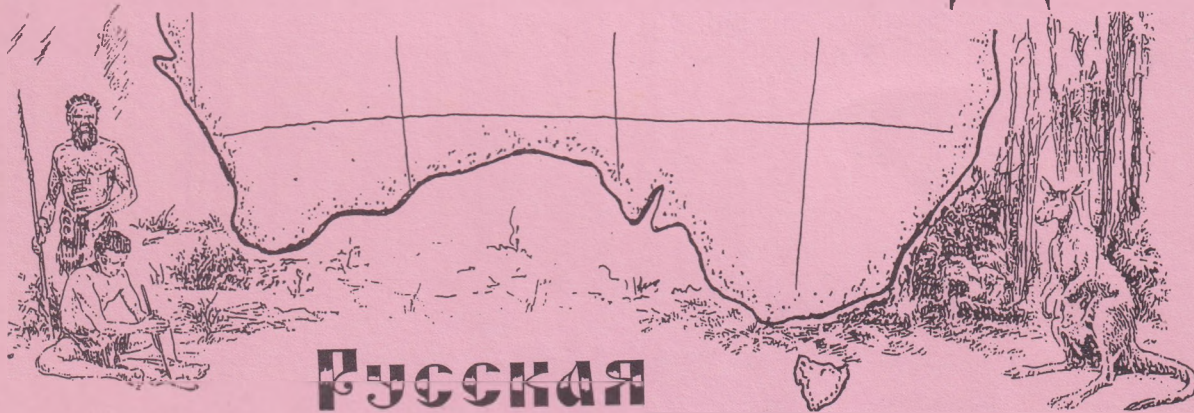

АВСТРАЛИАДА

Русская летопись

ХРИСТОС

ВОСКРЕСЕ!

1996 г.

СИДНЕЙ

С ДРУГОГО БЕРЕГА

Елена ГОВОР

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И АВСТРАЛИЯ

Какой виделась Австралия жителям дореволюционной России? Мне пришлось написать диссертацию, чтобы охарактеризовать эти ранние русские образы Австралии. Но иногда достаточно взглянуть на вершину айсберга, чтобы составить представление о нем. Такой вершиной для нас могут служить представления об Австралии у русских писателей, которые всегда держали руку на пульсе времени и общественных настроений.

Взгляды на Австралию Александра Герцена, одного из первых русских политических эмигрантов, жившего с 1852 г. в Лондоне, очевидно были близки и другим русским, интересовавшимся западным обществом. В своих статьях 1850-60-х гг. он критиковал пороки Старого Света и восхищался австралийским опытом, где "гражданственность складывается совсем на иной лад" и где достигается многое из того, чего невозможно было достичь в Англии. Характерно, что уже вскоре после открытия золота в Австралии русские, как и другие европейцы, начинают воспринимать ее как место для нового старта в жизни. В "Былом и думах" Герцен рассказал историю некоего русского офицера Стремоухова, бежавшего из России в Европу в конце 1840-х годов. Видя, как он постепенно все больше нищает и опускается, русская колония в Лондоне собрала для него деньги и вещи и решила отправить его в Австралию. "Ему дали в Мельбурн рекомендацию и поручили капитану его самого и, главное, деньги за проезд." Прощаясь, Стремоухов со слезами на глазах говорил: "Как хотите, господа, а ехать в такую даль не легкая вещь. Вдруг разорваться со всеми привычками, но это надобно..." И не вина была русской колонии в том, что Стремоухов не воспользовался открывшимися ему возможностями и оказался не "на берегах Виктории-ривер", а в лондонском кабаке, откуда угодил в тюрьму за буйство и воровство.

Для Антона Павловича Чехова Австралия была прежде всего олицетворением глухого, отдаленного от жизненных бурь места. Герой его ранней пьесы "Иванов" (1887), провинциальный чиновник Косых, раздражается таким монологом: "Черт знает... Неужели даже поговорить не с кем? Живешь как в Австралии: ни общих интересов, ни солидарности... Каждый живет врозь...". Сам Чехов, после покупки имения Мелихово, писал в 1892 г. издателю А.С.Суворину: "День тянется как вечность. Живешь, как в Австралии, где-то на краю света; ... минутами мне бывает так хорошо, что я суеверно осаживаю себя и вспоминаю о своих кредиторах, которые когда-нибудь выгонят меня из моей благоприобретенной Австралии". Но Австралия была для Чехова, как и для многих русских, и символом новой, необычной земли, романтическим Эльдорадо. По воспоминаниям А.И.Куприна Чехов советовал молодым писателям искать новые впечатления для своих произведений подальше от обыденности Петербурга и не раз говорил ему: "Не понимаю, отчего вы, - молодой, здоровый и свободный - не поедете, например, в Австралию (Австралия была почему-то его излюбленной частью света) или в Сибирь?"

Совсем иным было отношение к Австралии у Льва Толстого, который неоднократно упоминал о ней в своих работах и, по свидетельству его близких, очень интересовался этой страной. Его образ Австралии, как кажется, начисто лишен романтических, а тем более экзотических черт, для него это прежде всего земледельческая колония, труженики которой эксплуатируются местными капиталистами и Англией и чают освобождения от метрополии. Даже радикальные социальные реформы, осуществлявшиеся в Австралии с 1890-х гг., Толстой воспринимал по-своему, по-толстовски. Австралия виделась ему молодым обществом, в котором могут реализоваться его идеалы. Так, в наброске письма

А. Герцен

Л. Толстой

А.Чехов

австралийскому социалисту С.А.Роза (1895) он пишет: "Ваша страна находится в самых выгодных условиях для того, чтобы установить свободный от грехов старого мира истинно христианский и братский порядок жизни." В письме другому австралийцу, В. Хансфорду (1895), он выражает надежду, что Австралия сможет "стать в первые ряды христианского движения и указать человечеству средства мирного решения мучающих его противоречий".

И все же в восприятии поэтов и писателей начала XX века экзотические черты в образе Австралии преобладали. Поэт Владимир Хлебников, мастер парадоксального видения мира, писал в "Зверинце": "О Сад, Сад! ... Где у австралийских птиц хочется взять хвост и, ударяя по струнам, воспеть подвиги русских." Этот образ очевидно навеян изящным хвостом птицы-лиры. Романтика дальних стран была в душе и у других членов его семьи: "...один брат утерян и пропал из виду в [Новой] Зеландии", - писал он в 1914 г. Андрей Белый в книге воспоминаний "Между двух революций" рассказывает о другом искателе острых ощущений - московском капиталисте-меценате, издателе "Золотого руна" Николае Павловиче Рябушинском: "...был он в Австралии и отстреливался от дикарей, его едва не убили..." Свою виллу, где он устраивал роскошные пиры для московской художественной молодежи, Рябушинский назвал, вероятно под влиянием австралийской экзотики, "Черный лебедь". Австралийские аборигены стали олицетворением Австралии и для Владимира Маяковского. В песне 1918 г. "Мистерия-буфф" среди героев - чета "австралийцев", для которых Маяковский сам нарисовал эскизы костюмов. Впрочем, и костюмы, и образы этих "аборигенов" начисто лишены австралийской специфики, это скорее какой-то обобщенный образ дикаря вне времени и пространства. Столь же абстрактны аборигены и в творчестве Валерия Брюсова, автора стилизованных "песен первобытных племен": "Кенгуру бежали быстро, я еще быстрее. Кенгуру был очень жирен, а я его съел..."

Одним из немногих русских писателей, которым удалось сопоставить свой детский образ Австралии и Океании с реальностью, был поэт-символист Константин Бальмонт, отправившийся в 1912 г. путешествовать в страны Южных морей. В воспоминаниях "На заре" он писал: "Первая повесть, прочитанная мною на шестом году жизни, была какая-то полусказочная повесть из жизни океанийцев, но я помню лишь, что книжечка была тонкая и в синем переплете и в ней были картинки очень желтого цвета, одна картинка изображала коралловые острова, покрытые пальмами, - и я так ее запомнил, что, когда в 1912 году впервые увидел коралловые острова в Тихом океане, приближаясь к Тонга, Самоа и Фиджи, я вздрогнул и в каком-то запредельном свете почувствовал себя в усадьбе Гумнищи пятилетним ребенком". Однако Австралия, которая была одной из первых остановок на пути поэта, глубоко разочаровала его. Конфликт между романтическими, сказочными образами детства - "нет Австралии тех детских наших дней" - и капиталистической страной, где царит дух наживы, конфликт между "смуглыми" вольными туземцами и захватившими их землю "белыми волопасами" (скотоводами), конфликт между своеобразной прелестью австралийской природы и разрушающей ее прагматической цивилизацией "белых" - все это он передал в своем стихотворении "Черный лебедь":

К. Бальмонт

И. Бунин

Австралиец Маяковского

Австралийский черный лебедь на волне,
Словно в сказке на картинке, виден мне.

Настоящий, проплывает предо мной,
Весь зменный, весь узорный, вырезной.

И воистину влечет меня в игру
Настоящими прыжками кенгуру.

И в хранимом зачарованном прудке
Светят лотосы во влажном цветнике.

Голубеет эвкалипта стройный ствол,
Куст невиданной акации расцвел.

Как колибри, медосос припал к цветку,
Птица-флейта засвирелила тоску.

И хохочут зимородки по ветвям,
Словно в сказке, что сказали в детстве нам

Только это все лишь малый уголок, -
Громче пенья птиц на фабрике гудок.

Нет Австралии тех детских наших дней,
Вся сгорела между дымов и огней.

Иван Бунин, как и Бальмонт, еще в детстве пережил очарование Южных морей. В автобиографическом романе "Жизнь Арсеньева" он писал что "Картинки в Робинзоне и во «Всемирном путешественнике», а вместе с ними большая пожелтевшая карта земного шара с великими пустотами южных морей и точками полинезийских островов пленили меня уже на всю жизнь. ...какую настоящую тоску по родине пережил я над этими картинками!" В Австралии и Океании ему побывать так и не довелось и разочарования, в отличие от Бальмонта, он не пережил. После кровопролитных событий Октябрьской революции и гражданской войны, когда старая Россия навсегда уходила в небытие, образ Австралии возник перед ним как последняя, отчаянная мечта об убежище. Застрявший в Одессе, оккупированной "красными", Бунин писал в "Окаянных днях": "16 апреля [1919 года]... Тяжесть на душе несказанная. Толпа, наполняющая теперь улицы, невыносима физически, я устал от этой скотской толпы до изнеможения. Если бы отдохнуть, скрыться куда-нибудь, уехать, например, в Австралию! Но уже давно все пути, все дороги заказаны." И еще семьдесят лет пути в Австралию оставались заказаны для многих русских, живущих в России...

Рельсы врезались во взмахи желтых гор
Скован, сцеплен, весь расчисленный простор.

Там, где черные слагали стройный пляс, -
Одинокий белоликий волопас.

Там, где быстрая играла кенгуру, -
Овцы, овцы, поутру и ввечеру.

Миллионная толпа их здесь прошла,
В холодильники замкнуты их тела.

Замороженные трупы увезут,
Овцы новые пасутся там и тут.

И от города до города всегда
Воют, копоть рассевая, поезда.

И от улицы до улицы свисток, -
Вся и музыка у белого - гудок.

Сами выбрали такой себе удел,
Что их белый лик так грязно посерел.

Обездолили весь край своей гурьбой.
Черный лебедь, песнь прощальную пропой.

Литература: Полярная звезда, 1857, М., 1966, с.295, 302; А.И.Герцен, Былое и думы, Л., 1947, с.619; А.П.Чехов, Собр. соч. в 12 тт., т.10, М., 1950, с.42-43; Переписка А.П.Чехова, т.1, М., 1984, с.235; А.И.Куприн о литературе, Минск, 1969, с.88; Л.Н.Толстой, Полн. собр. соч., т.8, с.107, т.34, с.219, т.35, с.128, т.36, с.220, 255, 272, 329, 360, т.39, с.53, т.43, с.277, т.52, с.11, т.55, с.8, 165, т.58, с.113, т.68, с.111-112, 174, т.90, с.51; В.Хлебников, Творения, М., 1986, с.195, 275; А.Белый, Между двух революций, кн.3, М., 1990, с.68-69, 466; В.Маяковский, Полн. собр. соч., т.2, М., 1956; В.Брюсов, Собр. соч., т.2, М., 1973, с.313; К.Бальмонт, Избранное, М., 1983, с.297-298, 554; И.А.Бунин, Повести, рассказы, воспоминания, М., 1961, с.228; И.А.Бунин, Окаянные дни, Лондон, 1977, с.52; A.S.Petrikovskaya, 'Literary contacts: Australian literature in Russia and the Soviet Union', in *Russia and the Fifth Continent*, St.Lucia, 1992, p.213; N.Christesen, 'Leo Tolstoy and the Australian connection', *Melbourne Slavonic Studies*, no.19, 1985, pp.1-13.